

Астафьев Виктор Петрович Жестокие романы astafevictor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevictor.ru/> Приятного чтения!

Жестокие романы
Виктор Петрович Астафьев

Когда и как он появился в нашем взводе, не помню, но помню точно, что дня через три его голос с женским фальцетом звенел там и сям по окопам: «Дзык, военные, дзык!»....

Виктор Петрович Астафьев

Жестокие романы

Когда и как он появился в нашем взводе, не помню, но помню точно, что дня через три его голос с женским фальцетом звенел там и сям по окопам: «Дзык, военные, дзык!».

Тут же его и прозвали Колька-дзык. Прибыл он к нам во взвод артиллерийского дивизиона в звании младшего лейтенанта совсем не по назначению. Подделав справку об образовании, натянув его с пяти классов до восьми, он закончил офицерское училище где-то в военном захолустье, училище пехотное, и на фронте, в пехоте, с его бойким характером раз-другой дзыкнул бы на военных, а уж в третий едва ли бы успел.

Еще одно недоразумение среди тысячи тысяч недоразумений? Но если мы, едва научившись вертеть баранку «газика», всем автополком, а это пять тысяч человек, прибыли в Москву на приемку «студебеккеров» как шофера невиданной классности и всесторонней подготовленности как в моральном, так и в техническом плане, то почему бы Кольке Чугунову не прибыть на фронт в качестве командира взвода управления артдивизиона. Хотя он и не знал, где заряжают пушку – сзади или спереди, вообще каких-либо орудий, кроме винтовки, в глаза не видел, как копают землю, видел и сразу усек, что во взводе управления не стреляют из орудий, а лишь руководят огнем, управляют сложным артхозяйством, но главное, все время копают землю. Копают и копают, день и ночь копают ямы под штабные блиндажи, ячейки для наблюдения, траншеи, ходы сообщений меж ними, связистские гнезда и еще солдатские щели, если силы на это у солдат останутся.

Вот на руководство копанием земли сразу и бросили нового взводного, и он забегал, задзыкал. Где-то через неделю или раньше засунул за пояс спереди наганишко и смазкой от него испачкал пузо. Впрочем, про пузо это слишком громко. Там, где быть пузу, у Кольки, оголодавшего и до костей загнанного, виднелась одна железная пряжка на ремне, состоящем с переднего плана из кокемита, а далее из плотно сотканной мешковины, из конской ли подпруги, нарезанной повдоль, сразу и не разберешь.

Происходил Колька из рабочего поселка города Сибирска, родился и вырос в дощаном бараке с кокетливо наперек строения сбитой из дощечек в виде оборки сарафана завалиной, или поддоном, иль подэтажом, куда раз в три года плотно забивались опилки для тепла. Тем не менее, несмотря на архитектурный фасон барака и заботливое его содержание, полы в нем зимой и летом были холодные, веснами продавливалась меж половиц вода, оттого ребятишки здесь росли хилогрудые, сопливые, рахитные, и, как их ни корми, как ни согревай, вечно они голодные были и холодные, с детства у них скрипело в коленках от раннего ревматизма, бил их кашель, и часто они умирали. Но уж которые выживали, становились на ноги – не свалишь. Барак именовался 34-бис по улице Шопена, в народе барак звали бикса, Шопена – Шипулиным. Ребята с улицы Шипулина, из биксы, были, само собой разумеется, сплошь оторвами, учились худо, зато дрались хорошо.

Их боялись в поселке и по всей здешней округе вплоть до набережной, что на Оби, и до поселка авиационного завода. На заводе были спортивные залы, ребята там научены были всяким разным приемам, и по-партизански, нахрапом их сразу не возьмешь, по Оби же сплошь понастроились бывшие куркули, ребята здесь были

Астафьев Виктор Петрович Жестокие романы astafevvictor.ru
самостоятельны, преодолевая деревенскую тупость, старались учиться хорошо, и в одиночку их не тронь, поднимутся от мала до велика, да еще и кобелей с цепи спустят.

Колька Чугунов был страшно задирист, но задраться, завести свару – на этом его хвунция исчерпывалась, а уж мордобой, кроволитие – это уж без него, хотя при случае грудью, плечом потолкаться, рогульку в глаза наставить, страшно вытарачив при этом собственные глаза, то есть права качнуть, умел он куда с добром.

Вот с такой-то практической и теоретической подготовкой он возмечтал сделаться офицером, потому как с детства хотел кем-нибудь покомандовать, да все как-то не получалось. К Селютихе, учительнице школы рабочего поселка, Колька подъезжал и с носа, и с кормы, дрова ей напилит и наколот – не дает справку. Решил уж просто окна побить в ее доме, но помог счастливый случай. С низовьев Оби в отпуск приехал дядя Никандр, ну и загулял вместе с отцом, весь барак, биксу эту боевую, на дыбы поставил. Колька утащил у дяди целый литр водки и на него выменял у рыбаков же, но уж у здешних, заобских, икряного осетра. Ну уж тут Селютиха не устояла, хотя и ворчала, что он фактически и пять-то классов не кончил, остался на третий год из-за гуманитарных наук, но справку просит за десять.

– На вот восемь и уймись. А спросят вдруг на экзамене, кто написал бессмертное произведение «Муму», что ты скажешь?

– Я скажу, что «Муму» написал Тургенев Иван Степанович.

– Тьфу на тебя, прощелыгу! – плюнула учителька, летом заменявшая директора школы, и стукнула печатью по бумаге.

Никто нигде Кольку про Муму не спрашивал, восьми классов вполне хватало для того училища, куда он угодил.

Вот уж в самом училище хватил он горя, и с ним горя хватили и преподаватели, и командиры, не знали, куда его девать, вот таки и сплывили с очередной партией скороспелых офицеров в огонь войны, уверенные совершенно, что младший лейтенант Чугунов тут же и сгорит, что ночной мотылек на стекле керосиновой лампы.

Ан не тут-то было, судьба извилиста.

Артиллерийское офицерское братство к новому взводному отнеслось пренебрежительно и как бы не замечало его, военного плебея со старомодным оружием – наганом, одетого в хэбэ, обутого в ношенные керзухи, картуза не имеющего, портупейка на нем узенькая и явно самодельная. Это еще хорошо, что младший лейтенант имел справку, хоть и отдаленно похожую на офицерскую, на четвертом году войны командиры взводов с пополнениями, случалось, прибывали и в обмотках.

Старшина Хутяков, опытный подхалим и лизоблюд еще кадровой закалки, сразу усек, что офицерство пренебрегло новым взводным, тут же отключил его от отдельного, льготного котла. К солдатам же Колька-дзык притерся не сразу, гонор им показал и кричал, фальцетил лишку.

Уже через месяц новый взводный выглядел хуже некуда, одни выпуклые оловянные глаза сверкали на от природы смуглом, от окопной и дорожной пыли почерневшем лице. Дальше некуда было передвигать на брюхе пряжку, и Чугунов проколол свежее белеющую дырку уж на плетенине. Заметив, что взводный, отворотившись, мнет в горсти колосья, выдернутые из старых скирд, грызет где-то добытые закаменелые початки кукурузы и пытается очистить складным ножиком свекольные буряки, помощник командира взвода Монахов отозвал взводного для секретного разговора, дал ему закурить и, переждав, когда у Кольки перестанет кружиться голова от жадной затяжки, сказал:

– Взвод наш, основа его, воюет уже давно, все в нем всё знают, что и как делать. Ты на солдат не ори. Держись поближе к ним. Не панибратствуй, но и не хамя, тогда они тебя поближе подпустят, накормят и напоят, хотя бы водой, раненого перевяжут и уберегут, потому как многие уже сами не по разу ранеты. А к офицерам нашим сам сообрази как подобраться. Для начала я к тебе прикреплю Прокофьева, нового, но ушлого солдатика, он тебя и умоет, и накормит. Да и вот еще что, – уже на ходу, полуобернувшись, добавил Монахов, – меня если еще раз попробуешь поставить по команде смирно и унизить перед солдатами, в рыло получишь.

В голове ошеломленного Чугунова сперва только и вертелось: «В рыло! Старший сержант офицеру?! Во порядки в Вятке, ннамать».

Явился Прокофьев, принес ведро почти горячей воды, приказал раздеться до пояса, подал мыльницу с розовым обмылком, велел башку подставлять, потом плечи и спину, поливал из кружки экономно и сам же крякал да приговаривал:

– Воскресает тело, воскреснет и душа. Откуль родом будешь? Ну, пошти што родня, всего полторы тыщи аль две тыщи верст, из-под Тюмени я, ишимской буду.

Легко Кольке стало и телу, и морде, и душе, аж в дрему потянуло.

– А ты и подреми, подреми, я у тя тут подлажу кое-чо.

«Были ведь в ранешной армии дядьки, что за афыцэрами ухаживали. Дакыть афыцеры-то были исплотаторы, из дворян, баре, ннамать», – засыпая, думал Колька-дзык.

Проснулся он свежий, бодрый. Прокофьев закрепил расшатанные пуговицы на гимнастерке и на штанах взводного, подшил белый подворотничок и сказал, помогая взводному:

– Вот чичас я тебя побрею чисто, и ты на человека походить станешь. Побаниться бы тебе надо, да уж потом, когда весь взвод прожариваться и мыться станет. Счас я те на костерке супу разогрею, от робят из термоса отлил.

Прокофьев прибыл с недавним пополнением. Аккуратненький такой солдатик с подоткнутыми за ремень лапами шинели. Усатенький, румянененький, хорошо сохранившийся. Он стирал платочек снегом и стелил его под щеку, когда спал. В вещмешке у него была пластмассовая мыльница, полотенце, бритвенный прибор и ножницы. Он в первый же день перебрил и подстриг почти весь взвод и сразу сделался среди бывалых солдат своим человеком.

Он был суетливо услужлив, каждое утро теперь приносил взводному воды в котелке умыться, подавал чистое полотенце утереться, потом чайку где-то вскипятил с заварочкой и сахарочек свой взводному стравил. Затем постирал Колькино обмундированьице, портянки, почистил ему сапоги, и Колька наш сиял от чистоты и сытости. Но он все же был простофиля, Прокофьев же хитрован, все делал так, чтобы старанья его заметил командир дивизиона.

Сам же себя и лишил Колька такого добротного денщика, хоть и не положенного ему по штату, но вот же откуда-то вылупившегося.

Командир дивизиона стонал и плакал от денщика Софронова. Алтайский колхозник-комбайнер, Софронов сам привык командовать сверху и, чтоб его обслуживали, привык, но не он обслуживал. И когда выбило у дивизионного денщика и он почему-то выбрал смекалистого и проворного Софронова, мы потешались над ним. Софронов, не смея возражать начальству, мрачно заявил:

– Я его измором возьму!

И взял! Табак, выдаваемый дивизионному, он ополовинивал и потчевал нас. Принесут жареную картошку или что повкусней командиру нашему, Софронов горстью заберет картошку с тарелки, съест на ходу, потом кушанье пальцем подровняет на тарелке и дивизионному подает.

На рекогносцировке и в других опасных выходах денщик попросту бросал дивизионного и шарился по немецким окопам, смекал насчет трофеишек. Дивизионный наш был хотя и горласт, но духом жидковат, без прикрытия ходить боялся. И ругал он Софронова, и наказывал, но тот только слушал, посмеиваясь коричневыми хитроватыми глазками, говорил одно и то же:

– Увольте, товарищ майор, увольте. Не получится из меня холуя. Плохой я человек.

– Я тебя уволю! Я тебя уволю! Я вышколю тебя, сукиного сына. Я сделаю из тебя хорошего человека!

– Воля ваша.

В малой этой войне постепенно и неуклонно брал верх Софронов. Майор подтощал, изнервничался весь, а был он человек балованный – из десятилетки прямо в ленинградское артучилище поступил, потом на востоке с кадровиками управлялся, привык, чтоб ему подчинялись беспрекословно, и он подчинялся тем, кто званием старше. А тут какой-то Софронов! Колхозник наземный, и он с ним справиться не может.

Кто кого согнул бы в бараний рог – неизвестно, но тут-то Колька-дзык, узнав о горестном положении дивизионного, послал к нему в землянку своего земляка Прокофьева прибрать все там, обиходить майора и по возможности накормить и утешить. Как ушел в штабную землянку Прокофьев, так там и остался, будто просвтался. Тертый был тип. Оказалось, что он еще в финскую войну был денщиком у генерала, прислуживать для него дело привычное и любезное.

С еще одним пополнением прибыл к нам боец Рубакин. Бывший зэк, бывший штрафник, бывший кавалерист, по непонятным и туманным причинам выдворенный из гвардейского корпуса Плиева.

От кавалерии у него осталась кубанка с красной макушкой и гвардейский значок.

Рубакин-то и заменил Прокофьева возле Кольки-дзыка. Сошлись они на романсах. Рубакин принес за спиной гитару на ремне, он знал множество романсов и умел их пронзительно-душевно исполнять.

Пел он вечерами, когда мы копали землю и работали. Колька работой Рубакина не неволил, да он никогда, видать, к работе и не устремлялся. Да и мы не неволили его особо, нам тоже нравилось слушать Рубакина, легче работалось и жилось под его музыку.

«Накинув плащ, с гитарой под полою», «Очи карие, очи страстные», «Ой тайга, тайга моя густая», «Сижу на нарах, как король на именинах», «Далеко из колымского края», «В час, когда мерцают...» – блатнятина пелась подряд вперемешку с романсами и сходила за романсы.

Больше всего Кольке нравилось в исполнении Рубакина «На заре ты ее не буди». Он опечаливался, думал о чем-то, лицо его становилось непривычно-растерянное, обездоленность была в мальчишеской его фигуре, в тонкой шее, незащищенность от высших сил, глаза его, от роду проворные, смотрели, не моргая, куда-то, и гасла в них постоянная лешачинка.

– Что такое ланиты? – один раз спросил он у Рубакина.

– Щеки. Щечки! – поигрывая ухмылкой, ответил Рубакин.

– А-а... – протянул Колька. – Я думал...

Рубакин скоро прибрал нашего взводного к рукам и стал влиять на него худо. Поворовывать начал Рубакин, сменял наши плащпалатки на самогонку, пакостил по мелочам. Мы предупредили взводного, он орал на Рубакина, грозился выгнать его из взвода, но потом они помирились, напились и передрались. Рубакин посадил Кольку на кумпол и повредил ему серебряный зуб. Смеху и потехи было много, но однажды, в очень мокрую студеную пору, Рубакин принес с кухни водку на всех нас, и они ее с Колькой выпили.

Помкомвзвода Монахов, серьезный человек, вместе со старыми солдатами зазвали Кольку в лесок, на полянку, и, когда бойцы сомкнулись вокруг Кольки-дзыка, он кротко произнес:

– В лицо не бейте, синяки буют. Афыцэр я всешки...

Расхотелось мужикам бить Кольку-дзыка. Они изволохали Рубакина и дали ему лопату, Кольку ж снова взяли на коллективное обслуживание.

На радостях он сбыл свое выходное обмундирование, поил нас самогонкой и шумел:

– За Колькой не пропадет! Колька за солдата душу отдаст... А ты лучше уйди с глаз

Астафьев Виктор Петрович Жестокие романы astafevvictor.ru
моих, рыло! – скрипел он зубами на Рубакина, но когда тот запел: «Моя любовь не струйка дыма, что тает вдруг в сиянье дня», «Довольно неверных писем, пушай их пламя жаркое сожжет» и «Мы с тобой случайно в жизни встретились, оттого так рано разошлись, мы простого счастья не заметили и не знали, что такое жись», Колька полез к проходе Рубакину целоваться, укусил его за щеку, лупцевал кулаком по голове: – А-а, га-ад! А-а, рыло каторжное! Знает, чем взводного облапошить! Промзил душу!..

Но в услужение Кольке-дзыку мы Рубакина не вернули, он покопал, покопал землю, потаскал, потаскал тяжести, поработал, поработал, да и исчез куда-то искать жизнь и войну полегче.

Колька ж воевал где ему выпало воевать, и по-прежнему не получал ни повышений, ни наград. Всё так же часто его ругали и затыкались им где только можно, помыкали все кому не лень, командир дивизиона все так же при случае и без случая повторял брезгливо:

– Кто ты такой? Какая мать тебя родила? Ты офицер или не офицер?!

– Взводный. Ванька я взводный! – разозлившись, огрызнулся Колька, а чаще отмалчивался и потом душу на нас отводил: – Ннамать, – кричал, – мне...

И все же Колька-дзык щупал, щупал и нащупал свое место на войне. Сделался квартирмейстером и в населенных пунктах, отбитых у врага, умело определял штаб дивизии для работы и отдыха, сжевывая слово «дивизион» так, что получалось слово «дивизия», круто распорядился:

– Помещение для штаба дивизии.

А еще он где-то приобрел кучку погонов разных родов войск, но скоро уяснил, что самые действенные погоны – с малиновой окантовкой. Артбригада, в которую он попал, была резервом главного командования, и ее мотали все и эксплуатировали как могли.

Главное, в такое-то время бригада должна быть неукоснительно в таком-то месте и ждать наизготовке, когда прорвавшиеся где-то немцы танками и пехтурой навалятся на нее. Следует задержать сперва наши доблестно драпающие войска, затем остановить немца или погнать.

Командующие армий эксплуатировали части резерва так же, как колхозные председатели после войны нещадно эксплуатировали присланную на уборку технику и людей.

Тут, в резерве этом, движение, маневр – самое главное, и Колька-дзык наглед на дорогах.

Командир дивизиона требовал:

– Дзыка ко мне! – и негромко, снисходительно наставлял: – Ну, главнокомандующий, действуй! – и одалживал взводному свою португую, ремни и пистолет.

Нарядившись бравым офицером, Колька важно шагал в голову колонны и, найдя головного начальника, лихо вскидывал руку к картузу:

– Начальник иско-кырско-арского отдела. Бригада следует в распоряжение командующего армией, – иногда, войдя в раж, Колька-дзык мог загнать, что и в распоряжение командующего фронтом.

Комбриг, несколько раз вырученный из пробки, попросил нашего командира дивизиона показать ему такого редкостно-талантливого офицера и, оглядев Кольку-дзыка, погрозился:

– О-ох и бес, заберу я, однако, его к себе, ой заберу, пусть толчется при оперативном отделе, в нужный час, как ванька-встанька, чтобы был передо мной...

Командир дивизиона не без иронии отвечал, что самим нужен такой находчивый человек. Комбриг снисходительно смирился:

Астафьев Виктор Петрович Жестокие романы astafevvictor.ru

– Ну ладно, выручил сегодня, выручит, глядишь, и в другой раз. Надо ему хоть какую-то медаль выдать. Ты посодействуй...

Не раз Кольку-дзыка били на дорогах. В спешном зимнем наступлении на юг, к Корсунь-Шевченковской группировке, по глубокому снегу за Колькой-дзыком гонялся с обнаженным пистолетом чумазый танковый командир. Но Колька-дзык был моложе его и, стало быть, притче, выбравшись из заснеженного оврага, упал в машину, мы его забросали старыми автокамерами, покрывками, телефонными катушками и грязным брезентом.

Поколотив о кузов взведенным пистолетом, танковый командир прокричал:

– Ну я тебя, пройду, все одно запомнил, и, как ты мне попадешься, мало тебе не будет...

Мы подначивали Кольку-дзыка, мол, старше майора не идет у него дело, вот если б он полковничьи погоны прицепил, тогда бы уж везде дорога открыта.

– А возраст? Соображать надо, как говорил Чапаев. Я по возрасту и по юной физиономии и на майора не тяну...

По весне возле селения Грачинцы побили Кольку-дзыка особенно усердно, пришлось даже в санбат его отправлять, откуда он явился сияющий и сообщил, что за трое суток он там чуть ли не всех девок перепробовал. От нас, с передовой, была отправлена медсестра в медсанбат на постоянное место работы и при встрече сообщила, что да, Колька-дзык пытался совратить многих девчат и даже одну военврачиху, да вышло у него дело, кажется, лишь с санитаркой Евдохой, которая из жалости не отказывала никакому воину.

Без егозливости, без выдумок и постоянного горения Колька-дзык жить не мог. «Кипение души требует градусу», – заверял он. Иногда ему приходилось работать вместе со своими бойцами, и он копал землю, как последнюю свою могилу: тыкался лопатой, спешил, быстро уставал. Кликал портного, передавал ему лопату. Тот пер, что трактор, – отсиделся за нашей спиной, отъелся, наотдыхался. А Колькой-дзыком овладела новая идея. Он добыл где-то трофейный противовоздушный пулемет, вместе с одним оголтелым техником установил его на кабине нашей невинной газушки и палил по всему, что летало по небу.

– Ты достукаешься, достукаешься, – сердился шофер, что возил взвод управления на своем «газике», – подшибут машину, ребят погубишь.

Но случилось обратное. В кои-то веки в небе была подбита немецкая «рама» и со свистом, шипеньем и рокотом понеслась над землей, плюхнулась на брюхо в поле, посшибав там прошлогодние скирды.

– Ну вы ж видали, военные, видали, как я дзыкнул ее в жопу, – и все согласились: видали, видали, хотя, когда «рама» проносилась над дорогой, все мы попадали на дно кузова и зажмурились от страха.

Сбитую «раму» приписали какой-то зенитной части. Колька-дзык возмущался:

– Ну на груди, на моей боевой груди «Отечественная» была, а каким-то портянчикам ее отдали. Вечно, нямать, мне не везет.

Шло время, война катилась вперед на запад, и Колька-дзык утвердился-таки на своем законном месте. Распоряжался людьми, проводил нужные работы, точнее, не мешал их проводить, не путался под ногами, не изображал перед бывальыми солдатами большого начальника. И только ничего он не мог с собой поделать, когда садился в газушку, направо от шофера. Лицо его тогда было преисполнено важности и даже величия, на зов дивизионного: «Командиры, ко мне» – мчался сломя голову, придерживая заправленную под ремень планшетку, в которой лепился обрывок какой-то старой карты, фотокарточки разных его шмар и письма от якобы его многочисленных возлюбленных.

Вернувшись с короткого совещания, где он знал уж свое место, не лез в середку, взводный коротко командовал шоферу:

– Дзык, военный! – и из кабины уже перегибался к нам в кузов: – Мчимся без

Астафьев Виктор Петрович Жестокие романы astafevvictor.ru
остановок в прорыв, – по большому терпеть або ловчиться опростаться на ходу, но не валить на радиатор вослед идущей машине, ссать через борт, у кого отломается и потеряется, пеняй на себя... Х-хы. Дзык, военные!..

И очень возлюбил Колька-дзык возглавлять команды по добыче пропитания, всяческих трофеев, завел сапожника и портного тайно содержал уже давно во взводе, который пришивал карманы к гимнастеркам. Из трофейной танковой кожи первые сапоги были сшиты взводному, – парусиновые, форсистые, годные для танцев, которыми он где-то обзавелся, давно уж презрел, такие сапоги штабникам, танцорам, но не командиру взвода управления, мотающемуся то по брюхо в грязи, то по брови в пыли.

Вообще он у нас приоделся, ободрился, наган на трофейный «вальтер» сменил, медаль «За боевые заслуги» получил и, если б по барачной привычке не пил, не выжался, давно бы уж и ордена удостоился.

Однажды, где-то в гоголевских местах, набрал наш взводный команду из пяти человек и двинул под Миргород иль в Опошню, где созрели сады и ломились от фруктов деревья. Ехали весело, песню пели. Двигались по колее, пробитой танками и тягачами. И где-то уж под самой Опошной настигла нас колонна бойких и франтоватых машин отечественного и иностранного происхождения.

С передней машины нам помаячили, чтоб мы уступили дорогу, на что мы ответили гоготом и показали предмет личного пользования. Тогда машина сердито заурчала и вмиг настигла нашу полторку. Такой же франтоватый, как и машина, капитан в портупях крикнул, открыв дверцу джипа.

– Освободить дорогу немедленно!

– А ху-ху не хо-хо? – ответили мы ему. Тогда он отстал с машиною и остановил всю колонну. Вперед вырвался броневичок на гусеницах и преградил нашей машине дорогу. Она споткнулась, мы попадали в кузове. А когда поднялись, Колька наш уже стоял перед капитаном, и они орали друг на друга:

– Немедленно!

– Тиха, тиха, роднуля! – остепенял его Колька-дзык, – а то я как свистну своих гвардейцев, так дзык и готово!..

– Хулиганство!.. Как фамилия?

– ...кобыля! Ты на кого орешь, тыловая крыса? На гвардейцев, на окопников хвост поднимаешь?

– Смирна! Слушать старшего по званию!..

– Ты на передовую, под огонь пойди, там я, может, тебя послушаю, а здесь ты – нуль без палочки. Куда я сверну? Куда? В грязь? Опять в грязь? А вытаскивать кто меня будет?..

Тут Кольку окружили хорошо одетые военные с автоматами и куда-то повели. Мы схватились за оружие, но с броневика на нас направили пулемет «дэшека» и приказали не шевелиться.

Колька возвратился минут через пять, красный, пришибленный, и махнул шоферу Гостяеву:

– Сворачивай!

– Куда сворачивай!..

– Сворачивай, ннамать! – разъярился Колька.

И мы съехали на обочину и засели, конечно. Мимо нас прошла колонна машин. С передней франтоватый капитан погрозил Кольке кулаком. В черной легковушке, идущей среди колонны, сидел неподвижно генерал и не удостоил нас и Кольку даже взглядом.

– Ннамать! Маршалом был, теперь генерал! Погоди, когда в солдатах очутишься да

Астафьев Виктор Петрович Жестокие романы astafevvictor.ru
ко мне во взвод попадешь, я тебе выдам самую большую лопату... А ну, чего рты раззявили?! Дзык, военные! Потасили машину. Ннамать, топчется под Опошней с армией, одолеть полумертвую дивизию не может, но ездит, как фраер. Привык, падла!..

– Коль, а он че тебе говорил?

– Че говорил? Че говорил? Он и не говорил вовсе, а промзил меня взглядом и велел записать фамилию.

– Ну?

– Ну я и сказал фамилию.

– Пропадешь теперь. Сгнойт в штрафной.

– Рано Кольке пропадать. Колька еще его переживет. Че я дурак, что ли? Младший лейтенант Белокуров, отдельного артиллерийского полка. Все в норме, орлы! Фамилия на «бы» и насчет артиллерии правда. Ловкость рук и никакого мошенства, как говорил друг Кольки-свиста Мустафа! А ну навались, навались, военные, дзык!

Кольку-дзыка не мучили, как прежде, вопросами типа – сколько он перепробовал девок на своем боевом пути. Он обычно коротко огрызался: «Не шшытал». «Небось, все больше парикмахерш да официанток?» – «А оне, что ли, не люди, хотите знать, дак я одну с высшим образованием пробовал!» – «Ну и как?» – «А-а», – отмахивался Колька, что означало: все едино, один черт.

Людей не хватало, все чаще нашего взводного начали отсылать в пехоту на связь со стрелковыми ротами. Однажды в помощь младшему лейтенанту командир дивизиона доверил своего разлюбезного денщика Прокофьева. Взводный загонял его и себя, наорался до хрипоты, на обратном пути наша пара попала под обстрел, Колька – подвижен, гибок – увернулся, свалился в глубокую воронку, Прокофьева же крепко зацепило.

Колька-дзык приволок тяжелого мужика на наблюдательный пункт, свалил в ячейку дивизионного медбрата. Держался Прокофьев хорошо, рассуждал здраво:

– Вот, опять ранило. С одной стороны, хорошо, отдохну от войны, может, и вовсе комиссуют домой. С другой стороны, мог бы еще пользу приносить фронту, кто теперь вот доглядит товарища майора? – Обмусолив сигарку, он укоризненно посмотрел на виновато пришибленного взводного: – Эть говорил, пересидим в пехоте до темноты, нет, ево все зудит чевой-то, дзык, военный, да дзык, вот и дзыкнуло. Половина, если не боле, людей у нас гибнет от неосторожности, дурости и по лихачеству. Четвертый год воюем, а все не научимся расчету и предвиденью опасности.

Колька-дзык подставился под Прокофьева, чтобы довести его до санитарной машины, старый солдат отстранил его:

– Выпатраешься весь об меня в кровяще и грязе, как в пехоту завтра пойдешь, грязный-то?

Колька Чугунов уже научился дорожить честью артиллериста и перепоручил раненого бойца солдатам. Медбрат, вернувшись на наблюдательный пункт, с глубоким вздохом сообщил:

– От такой же раны умер Пушкин. Будем надеяться, что медицина нынче покрепче, чем при царях, и Прокофьев не Пушкин, кровей не барских, жила в ем покрепче...

Увы, пришел черед и нашего взводного Николая Чугунова. Шли тяжелые бои под Тернополем. Немцы, чуя границу за спиной, пытались остановить наше наступление, что им в конце концов и удалось, хотя соседний фронт все же перешел границу, пусть и не широко, и не глубоко, но перешел.

Взводного в очередной раз заслали в пехотный полк со связистом для корректировки огня и связи с пехотой. С вечера все было хорошо, утром немцы нанесли контрудар танками и мотопехотой, сбили наш пехотный полк, он начал покидать деревню, за которой сидел в окопчике, на высоте, наш взводный со связистом. Наша бригада

Астафьев Виктор Петрович Жестокие романы astafevvictor.ru
вела огонь по наводке. Деления все убавлялись и убавлялись. Взводный где-то носился по передовой, припадая к телефону, одышливо кричал:

– Балку, балку перекройте. Туда танки сваливают. Координаты? Какие тебе, ннамать, координаты, ее глазом от вас видно!

Колька, пехотный командир, до сих пор плохо разбирался с картой, ему стоило много трудов и времени рассчитывать разные премудрости, он любил открытую войну, бой с глазу на глаз.

– Так, слушай! Внимательно слушай! – сказал взводный штабному телефонисту через час после начала контрудара. – Передаю координаты, мать бы их перетак. Пусть четвертый карту откроет.

По голосу взводного телефонист почувствовал неладное. Плотнее припал к трубке. Майор открыл карту.

– Ну, чего он там? Где он опять бегаёт да дзыкает?

– Передавайте, товарищ двадцать четвертый.

Взводный с расстановкой, четко повторяя каждую цифру, начал передавать координаты. Майор и начальник штаба припали один к карте, другой к планшету.

– Какого хрена! – завопил майор. – Он что, ополоумел? Он же в этом квадрате находится! Скажи ему, чтоб разул глаза и поглядел как следует на свою карту.

Я повторял все, что говорил майор. Колька-дзык, вздохнув устало, сказал:

– Попроси взять трубку четвертого. – Я передал трубку майору, начштаба припал к другому телефону.

– Товарищ четвертый. Обстановка на передовой аховая. Пехота смылась. Танки под нашей высотой группируются для удара на деревню. Заправляются на ходу. На высоту выдвигается наш противотанковый полк, немцы разминировали выходы из балки, нужно задержать танки, иначе истребительный полк попадет под гусеницы. Следом за ними сомнут и вас. Открывайте огонь. Я буду корректировать, пока возможно...

– Убирайся вон с высоты, дурак!

– Открывайте огонь немедленно, иначе и арtpолку, и остаткам пехоты, затем и вам будет амба!..

– Чугунов! Я приказываю!..

– Открывайте огонь, ннамать! – вдруг вскипел Колька.

Майор бросил трубку, тупо уставился в стену блиндажа.

– Ах ты. Дурачок, а жалко! Ах ты...

– Надо открывать огонь, – твердо сказал начальник штаба и, взяв у меня вторую трубку, начал передавать команды на батарею.

Я слышал, как нажимал нервно клапан телефона связист на передовой. До меня доносился приглушенный голос взводного:

– Ну чего они там чешутся! Дай трубку!

– Але. Чего там у вас?

– Сейчас ударят, товарищ двадцать четвертый. Вы-то как? Это ж огонь на себя!

– ...ннамать! – кричал взводный. – Героизма всем мерещится! Подвиги! Если чесаться меньше будут, мы еще успеем спрятаться в штабном пехотном блиндаже, там тройное перекрытие. На всякий случай пусть меньше молотят по правому скату балки.

Астафьев Виктор Петрович Жестокие романы astafevvictor.ru
Колька, Колька! Взводный Чугунов. Все-таки он так и не стал артиллеристом и не уяснил, что в артиллерии весь мир и все, что в этом мире есть, определяется от орудия, как жизнь крестьянина от печки, вот и городит – право от себя.

Огонь был густой, мощный. Откуда-то накатила еще «катюш» целая колонна, измолотили и балку, и высоту, танки густо горели или газовали из балки вон. Мы пошли в атаку вместо пехоты – это уж привычным сделалось – и заняли обратно деревню.

Взводного со связистом обнаружили погребенными в пехотном штабном блиндаже. Связиста задавило насовсем, он пускал грязную пену, пытаясь что-то сказать. Кольке Чугунову обварило спину супом, оставленным впопыхах пехотинцами на горячей печке, и переломало обе ноги. Когда мы откопали его, был он еще жив, курить просил, потом, как водится, пить, но перелом на одной ноге был вскрытый, тяжелый, ему дали разведенного спирта, он выпил, растерянно утерся. Руки его были целыми. Только руки и голова. Остальное все измято, скомкано.

Взводного начали раздевать, перевязывать. Он застонал, впал в короткое забытие, когда очнулся, медленно, как будто свело у него челюсти холодом, сказал:

– Бьете, ннамать... лупите без ума, как токо немцы и джжат, – после очередного короткого забытия слабо махнул рукой: – Ладно! Не мучайте... Отвеселился Колька-дзык...

Через месяц нам прислали нового взводного. В кособокой хате с начисто снесенной крышей и дымящей печью мы пытались обсушиться, сварить конину; здесь и появился молоденький, в новеньком обмундировании с еще не смятыми погонами белокурый, интеллигентного вида младший лейтенант.

Мы попытались подняться с пола.

– Сидите! Сидите! – стеснительно сказал младший лейтенант и поискал, на что бы сесть. Сесть было не на что. Скамейки и другое имевшееся в хате дерево мы пустили на дрова. Дым из печи шел больше в хату, но не на улицу. Лейтенантик закашлялся, начал утирать глаза, приосел на пол, где не так душило дымом. Сквозь раскисший глиняный потолок бежало, в окна, завешанные плащ-палатками, стучал дождь, конина варилась медленно, жрать хотелось невыносимо. Тылы наши, как обычно в распутицу, отстали, и мы питались чем бог пошлет, громили немцев на привычном и всем надоевшем «бабушкином аттестате».

Мы доставали ножами и штыками мясо из коричневой пены и жевали его, жевали, но оно все равно не жевалось, трудно проталкивали сухие, несоленые комки конины, загоняли их, будто ненамыленные вехти, в себя.

– Большие потери были? – спросил новый взводный, чтоб завести с нами разговор.

– Погода плохая, – мрачно ответил Софронов. – Ешьте мясо, если голодные.

Новый взводный подцепил щепочкой из ведра кусок конины, подул на него, взял в рот и выплюнул на ладонь:

– Мясо без соли!

– Соли нет, – все так же мрачно отозвался Софронов. – Но у нас не всегда так худо бывает. Вот тылы подтянутся, за все дни хлеб выдадут, горючку, жиры... Э-эх!.. И соль. Тогда солить можно все. И старшину посолим. Заживо.

Младший лейтенант смотрел на нас ошалело, пытался что-то понять, но ничего пока понять не мог.

Он попытался снова есть конину и снова выплюнул ее на ладонь.

– Не могу. Непривычно..

– Привычка дело наживное. А ну-ка попытаю у кого...

Софронов все-таки добыл где-то щепотку соли, посолил кусочек черно-бурой конины, подал младшему лейтенанту, соленые пальцы облизал.

Мясо мы все же съели и недоваренное. Легли кто где, прижавшись друг к другу, в надежде, что к утру одежда высохнет на теле.

Ночью младший лейтенант выбежал из хаты под дождь, должно быть, блевать конина была старая, не уварилась и пахла потником.

Всю ночь шел холодный дождь, текло с потолка. Топить печь больше было нечем. В ней остывали угли, и мы смотрели на них с усмирелой покорностью покойников, кто покрепче, уже спал, но большинство сидело, нахохлившись по-вороньи, в мокрых плащ-палатках.

– Хотите я вам стихи читаю? – звонко сказал младший лейтенант. Солдаты недоуменно ворохнулись.

– Стихи? Какие стихи?

– Хоть Киплинга, хоть Блока, хоть Есенина, хоть Симонова. Я даже Гумилева знаю!

– Ах, стихи! Ну что ж, валяйте. После конины да по такой погоде стихи в самый раз.

Младший лейтенант не понял или не хотел понимать нашей издевки, он напевно начал:

В полях по-волчьи воет снег
В обыденной обиде.
Прошло пять лет, и я во сне
Глаза твои увидел.

Что годы? Ложь! Еще вчера
Ты мне в глаза глядела.
Я встал, а за окном ветра
Ревут осиротело...

Он хорошо читал стихи, наш новый взводный, он много знал стихов, но у нас уже выбило из строя шестерых взводных, и последнего из них, Кольку-дзыка, выбило совсем недавно.

Связиста, его напарника, мы давно похоронили и еще семерых вчера закопали. В ряд, в одной яме. Стихами, даже такими грустными и душевными, Кольку-дзыка не заменить. Колька Чугунов не знал стихов. Он любил романы. Жестокие!..

* * *

Докатился слух до фронта, что Колька Чугунов бесчинствует в Сибирске, собрал банду из подростков и занимается грабежом.

Через такое большое расстояние напрасные слухи не добираются.

Вернувшись домой без обеих ног, Колька Чугунов пил с родителями беспробудно, когда мать и следом отец откочевали из тридцать четвертой биксы, которая, приосев на завалинку и еще более искривившись и почернев от старости, все еще ширше всех строений стояла на улице Шопена-Шипулина, он, инвалид Чугунов, на какое-то время прилачился к церкви в куркулевском приобском поселке.

Где-то и когда-то научившись креститься, Колька-дзык подкатывал к ограде церкви и набожно, смиренно крестился, потом катил ко входу церкви свою неуклюжую, словно телега скрипучую и широкую тележку и, состроив скорбь на роже, крестился еще дольше, еще неистовей, когда вкатывался в церковь, все уж верующие, видя слезу на глазах инвалида, расступались перед его тележкой, говорили: «Господь тебя спаси», а он ответно шелестел губами: «И вас, и вас всех спаси, Господи».

В привратном еще ларьке он долго выковыривал из кармана, выбирал из табачной пыли мелочишку, еще дольше катал копейки на ладони и слезливо просил: «Бабуся! Продай свечечку, у меня тут, правда, не хватат, но ты уж помилосердствуй», и возле Плащаницы Чугунов выбирал самую чистенькую, самую смиренную старушку, теребил ее за подол: «Бабуся! Поставь свечку за родимых моих маму и папу, – тут

Астафьев Виктор Петрович Жестокие романы astafevvictor.ru
голос его совсем засаживало слезами, и он, сиротски взрыдывая, добавлял: – И за братьев моих героцки... героических... живот положивших там... там...» – показывал он куда-то вдаль, но все понимали, что несчастный этот страдалец имеет в виду фронт и товарищей своих, сгоревших и горящих в адовом огне войны.

И этот же Колька Чугунов, обобрав сердобольных старушек, под вечер, грохоча тележкой, вкатывался через мокрый порог деревянной, когда-то в голубое покрашенной пивнушки, по заплеванному полу катя к стойке, разгребал публику коротким костыльком, зычно выкрикивая: «Дзык! Дзык, военные!».

Когда-то он сумел собрать вокруг себя и объединить в шайку шопеновско-шпиулинскую шпану, вбил в подплечник костыля, обмотанного тряпкой, длинный гвоздь, расплющил его, загнул крючком, превратив его в коварное и грозное орудие грабежа.

Вкатываясь в магазин, на вокзал, на пристань, на базар, Колька Чугунов таранил очередь, рякая: «Дзык! Дзык, военные», из тех, кто не расступался, он цепким взглядом снайпера выбирал человека побогаче, попьаней, как-то и где-то узнавал, кто получил сегодня зарплату иль хапнул деньгу на базаре, цеплял крючком костыля жертву за штанину, за юбку, когда и за ногу, упавшего на пол человека наторевшие малые щипачи вмиг обирали до копейки, когда и до нитки.

Его, Кольку Чугунова, пробовали воспитывать, бить, сдавать в милицию, даже будто бы подержали в тюрьме короткое время, но и там он не унимался: «Дзык, военные! – кричал, – кого мудохаете? Героя войны, искалеченного вражеским снарядом?».

Про то, что не вражеским, своим он снарядом, по его же личной просьбе, изувечен, Колька-дзык умалчивал. Не поймут. Ботало, скажут, трепло, скажут. Припоздало, но кстати на имя Чугунова Николая Анисимовича в военкомат были присланы орден Отечественной войны первой степени и медаль «За отвагу». Он их прицепил к телогрейке, бил по ним кулаком и плакал: «И-ых, ннамать, знали бы вы, как эти награды мне достались!».

Медаль «За отвагу» Колька-дзык быстро потерял, носил лишь загрязненную планку, но орден на крепком винте держался, хотя эмаль на нем потрескалась и сбилась, золотые лучи потускнели.

В тридцать четвертой биксе Кольке-дзыку по наследству принадлежала комната, превращенная им в катух. Народ через это жилище катил конвейером. Но несколько девок закрепились, видно, им совсем податься некуда было. Одна крупная, чернобровая девица, с картинной статью, приволокла с собой гитару, редкий в ту пору инструмент. Она, как и фронтовой кореш Кольки-дзыка, не только владела гитарой, но и пела под нее песни и романы, если не перепивалась.

О, как она пела! Зажав струны костлявыми, длинными пальцами, эта уличная, по причине войны осиротевшая девка на глазах преображалась. Откуда-то выявлялась в ней пугающая народ грация, напрягая горло и жилы на изогнутой длинной шее, пышноволосяя девка, небрежно откинув голову вбок, сощурясь как бы даже надменно и величаво, извлекала из нутра глубоко заглоченный звук, пропуская его через дыхательные пути, ценители сказали бы – через сердце, выдавала его бархатно обложенным, мягким, согретым, вкрадчивым таинством, не ведомым и самой певице, лишь природе, ее породившей, ведомо оно было.

Не дай бог шевельнуться, забазарить в это время, кулаком, костылем, что под руки попадет, тем и огреет Колька-дзык. Да никто не смел даже кашлянуть в Колькином жилище, когда, вознесясь над миром, бродячая девка творила певческое волшебство. Колька-дзык почти всякий раз тихо плакал, и по беззащитному, растертому жизнью лицу его катились светлые, крупные, как у дитя, слезы.

В особенный, можно сказать, священный трепет вбивала певица Кольку-дзыка словами из любимого романа: «Я поцелуюми покрою уста, и уши, и чело». Колька-дзык не совсем отчетливо понимал, что такое уста и чело, истолковывал их вульгарно, но уши, уши ввергали хозяина почти в иступленное беспамятство. Он цапал девку за подол, нагибал ее, как можно ниже, и, как когда-то Рубакина, кусал девку за щеку. Певица терпела, хотя иной раз Колька-дзык кусал ее пребольно, почти до крови.

Была и еще одна важная причина душевной привязанности Кольки-дзыка к залетной

Астафьев Виктор Петрович Жестокие романы astafevvictor.ru
певичке. Ее звали так же, как жену дяди Никандра, Томой, и статью она напоминала тетю Тому, каждую весну навещающую болезного племяша.

Пароходы до Нарыма ходили редко, и, просчитав про себя, когда в нарымском краю кончится весенняя огородная пора, навешная охота и рыбалка, Колька-дзык катил к пристани встречать дорогую гостью, предварительно очистив свое помещение от всякого пришлого народу.

Еще издали заметив тетю Тому, впереди всех стоящую на выходе, раздвинувшую могучим телом толпу, Колька командовал парнишкам, всегда вокруг него вертевшимся: «Вихорем к трапу принимать багаж у тети Томи!».

Тетя Тома, обвешанная котомками, катя ногой впереди себя бочоночек с соленым макуном, со слезами крестила и целовала племяша: «Горемышный ты наш, горемышный. Живой ишшо. Пьешь?». «Бывает», – скромно опускал глаза племянник.

Погрузив на тележку бочоночек с рыбой и все, что могло помимо Кольки поместиться на его транспорте, навесив на него мешок, тетя Тома подцепляла тележку племяша железным крючком и волокла воз от пристани к бараку 34-бис почти через весь город. Колька-дзык, сидя на тележке в обнимку с бочонком, с мешком за плечами, кричал на всю улицу: «Дз-ззык, воен-ные!», это в том смысле, что задавим, дескать, всех мы с тетей Томой, кто на пути подвернется, бодро пел истоньшившимся до нитки голосом: «Середь шумынага бал-ла тетя Тома явилась, как гений чистой красоты».

В комнате племянника, не обнаружив никакого имущества, даже тех обносков, что привозила в прошлом году, тетя Тома перво-наперво поводила носом, как лайка-бельчатница, берущая тайгу поверху, и твердо заключала:

– Дефти были. А чево делали?

– Романсы пели. Веселились.

– Чево болтаешь-то, ково оплести хочешь? Я, думаш, не знаю, каки романсы поют дефти? Тоже их пела, когда Ермилка-Жиган перьвый раз меня на сеновале засупонил. На всю деревню петь хотелось, да я сдордживалась.

– А дядя Никандр че? – хитро сощуривался племянник.

– Дядя твой Никандр привышен на всем готовеньком шушшештвовать, он уж пахал по проторенной борозде.

– Ну и дядя Никандр! Ну и ловкач!

– Ты мне на другое не сворачивай! Ты отчет давай, как тут живешь-колбасишь.

Этот отчет всегда заканчивался одинаково. Тетя Тома давала затрещину по круглой макушке племяша и гнала его в баню, сама, заголив подол, принималась мыть, убираться в лежбище болезного племянника, неся хозяйина на все корки и жалостливым голосом выводя: «Рибина, рибина, несчастная я, два парня, два друга влюбились в миня-а».

Через несколько дней пароход уходил обратно до Нарыма, племяш с тетей Томой трогательно и долго прощались. Колька-дзык, как и муж тети Томи дядя Никандр, всю жизнь делавший вид, что страсть как боится своей жены и есть он не что иное, как ее вечный подкаблучник, тоже напридуривавшись вдосталь, говорил народу на пристани: «Тете Томе б генеральский мундир, она б дивизией командовала», махал ей рукою, она ему платочком до тех пор, пока пароход, таежным зверем проревев, не скрывался за поворотом реки. Всякий раз, отбывая в Нарым, тетка Тома уверяла, что заберет племянника с собой, как только помрут старики, а покуль в избе тесно, повернуться негде. Она там за него, за разбойника, ох как возьметса, он у нее еще и за шишками на кедры лазить станет.

Но старики ли у тетки живучи были, ловчила ли она, увиливая от родственных обязанностей, Колька-дзык оставался на месте и все больше наглел и лютел.

Колька-дзык катил на яр и снова командовал ребяташкам: «Вихорем всю братву ко мне! Тетка рыбы понавезла, оленины и ореху, сметаны и деньжонок дала. Моя

Астафьев Виктор Петрович Жестокие романы astafevvictor.ru
закусь, мой выпивон, о-ох и дадим мы звону. Дзык, военные!».

В барачную плиту хитро был вделан самогонный аппарат. Ничего не видать, никаких трубок, лишь котел наруже, в нем беспрестанно что-то кипит и клокочет, а что кипит, поди узнай, девки сулятся глаза вышпарить тому, кто сунется угадать секрет.

Кончилась война, закрутилась карусель, встречи, пьянки, бандешки повсюду скорые начали возникать – Колькино время. Ох, и погудел он с братвой, ох, и покуралесил, но все, как бурно занялось, так тихо и улеглось, места в Сибири для лагерей много, упрятывать туда буянов, хулиганов и на язык невоздержанных людей крепко в стране наторели.

Какими-то судьбами Колька-дзык узнал, что есть в Сибирске человек, боец из его родной части по имени Виктор, по фамилии Лучкин. Колька его сыскал, приветил, напоил, накормил, сам в этот раз до урезу не напивался, чтоб расспросить, разузнать, как они там, братья родные, без него-то, все ли уцелели, может, никого и не осталось?

Витька Лучкин ничего вразумительного рассказать не мог, в том же году, то есть в одна тысяча девятьсот сорок четвертом, его как лихого танцора из дивизиона изъяли и послали во вновь созданный ансамбль седьмого артиллерийского корпуса.

«Ансамбль? Без меня? – тарашился Колька-дзык. – Да я б в ем непременно был, я, знаешь, как бацал, когда у меня ноги при мне были!»

Витька Лучкин сильно подбаловался в ансамбле, пил уже напропалую, из ансамбля Сибирского военного округа его скоро поперли, деньжата схлынули, женщины слиняли, квартиренку, еще довоенную, родительскую, они вместе с Колькой-дзыком продали и пропили.

Из катуха Кольки Чугунова увезли его напарника, черного и немного от запоев, в какую-то пригородную спецбольницу, где он, царствие ему небесное, и отдал Богу душу.

Колька-дзык был барачного производства человек, жилист, дюжист, неодолим. Он мог неделями ничего не есть, затрепавшись, сутками не спать даже. Если надо кому, например, нарымской тетке Томе, и не пить с неделю тоже мог, но не куролесить было выше его сил.

Сколько бы еще жил, шпанил, держал родной барак биксу и его окрестности в напряжении Колька-дзык, неизвестно, да в приобском поселке, у тех самых неистребимых куркулей, кто-то начал воровать и резать скот.

Подозрения пали на Кольку Чугунова, хотя он к этому делу не имел ни малейшего касания. Тяжелые телом и костями бородатые сибирские мужики напоили Кольку-дзыка до полной отключки, загрузили в лодку, сплывили ниже города к тому месту, где долгое время каторжный лагерь добывал и грузил песок для какой-то секретной стройки.

Лагерь аннулировался еще в войну, отбросы его – изношенные машины, землечерпалки, экскаваторы, печки и трубы из барачков – отъезжающие утопили в Оби. Поставили таблички, на десять верст запрещающие воду пить и купаться. В десяти верстах и не пили воду из Оби, и не купались, а на одиннадцатой версте жизнь шла полной мерой. Долгое время смывые половодьем приобские сосны останавливались на бурунами вскипающей Оби, зацепившись за что-то кореньями, стояли в воде, мученически качались день и ночь, на верхушках и по сучьям сосен вечерами черными гроздьями висело воронье, изящная скопа тут кружилась, вылавливая дохлую рыбу с воды.

Вот сюда-то, в гиблое место, и приплавил мужики-переселенцы Кольку-дзыка, прихватили его проволокой к тележке и со словами: «Прости нас, Господи», опрокинули тяжелую тележку за борт.

Всплыть Колька-дзык не мог. Колеса от тачек к его тележке были выкопаны в песке и принесены заречной шпаной с того самого каторжного карьера, плаха на тележке была выпилена из толстого лиственничного бруса, да еще кузнец из барака тридцать четыре бикса, который сохранялся вплоть до перестроечных времен, оковал полозным

Астафьев Виктор Петрович Жестокие романы astafevictor.ru
железом Колькин транспорт за поллитровку.

Из железного хлама, что таился на дне реки и по сию пору не был замыт песком, достать еще никого не удалось. Мужики, что похоронили Кольку-дзыка заживо, были научены советской властью прятать концы в воду.

Кольку Чугунова никто не хватился, долгое время никто его не вспоминал, теперь уж не помнят и подавно. Лишь барак 34-бис по улице Шопена-Шипулина вздохнул облегченно.

Дзз-ззык, военные!

P.S. Начат рассказ еще на Урале, в шестидесятые годы, закончен осенью 2000 года в Сибири. Настоящую фамилию Кольки-дзыка я изменил, чтоб не так стыдно было мне, вам, всем нам.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://astafevictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiytyodor.ru/> Приятного чтения!